12 АВГ 1981
СМЕНА
г. Ленинград

СМЕНА

И ПРИШЕЛ МАКСИМ К «МАКСИМУ»...

ГЕРОЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ЛАУРЕАТУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР НАРОДНОМУ АРТИСТУ СССР БОРИСУ ПЕТРОВИЧУ ЧИРКОВУ ЗАВТРА ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ

Уж больше десяти лет прошло с того ноябрьского дня, когда я уговорил оказавшегося в Ленинграде на киносъемках Бориса Петровича Чиркова побывать вместе на Выборгской стороне. Впрочем, совсем не ради праздной прогулки увлек тогда артиста из гостиницы: мне хотелось, чтобы Чирков взглянул вокруг как бы глазами своего знаменитого киногероя Максима.

Что ж, путешествие удалось! Помню, выйдя у Светлановской площади из машины, Борис Петрович усмехнулся:

— Чтобы узнать теперь Выборгскую сторону, моему Максиму пришлось бы долго плутать здесь, выискивая последние оставшиеся от той поры домишки... Ведь это была захолустная окраина Санкт-Петербурга: рядом с заводами — хибары да кабаки; мостовые — топкие, словно болото... Сами названия улиц за себя говорили: Пустая, Грязная, Глухая, Траурная, Молчаливая... Школы и клубы можно было здесь сосчитать по пальцам, но зато — пятьдесят три церкви и три тюрьмы...

Встречные, особенно люди солидного возраста, узнавали артиста, здоровались. Для них он, очевидно, по-прежнему был тем самым веселым парнем рабочей заставы, любителем французской борьбы, почитателем «Антона Кречета», верным товарищем, трогательным кавалером, который когда-то размашисто шагнул с экрана под немудреную песенку: «Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой...». Люди помнят, как этого честного, но наивного парня учила жизнь — жестко учила, неумолимо, как старшие товарищи показали ему путь борьбы, как формировался в Максиме характер большевика...

Задуманный Григорием Козинцевым и Леонидом Траубергом, блестяще воплощенный Борисом Чирковым, этот человек перерос рамки «киногероя», став самим символом времени. В нем, как сразу же заметили кинокритики, была во плоти явлена высшая формула искусства: общее в единичном. Общим была эпоха жизнетворящей революции, единичным — личное своеобычие и неподражаемость (а только она и вызывает стремление подражать) рабочего паренька, ставшего профессиональным бойцом революции.

Борис Петрович вспоминал:

— Когда-то, совсем молодым, работая в Ленинградском театре юного зрителя, я сыграл Тиля Уленшпигеля. Тиль, известно, борется за свободу своего народа не только силой оружия, но и оптимизмом, веселостью, песней... Вот и Максим для меня сразу стал как бы Тилем с рабочей заставы. В самом деле — его народность, жизнелюбие, спрессованные с большевистской убежденностью, заразительны. Убежден, что, например, бюрократ из Максима не получился бы никогда, даже если бы он до конца дней своих продолжал заведовать банком... Прошло уже столько лет, но до сих пор получаю письма, адресованные моему Чиркову, что Максим сражался комиссаром полка в Сталинграде и на Курской дуге, а бывшая заключенная фашистского концлагеря в Польше вспоминала, как узников поддерживал слух о том, что в этом же лагере русский большевик Максим сколачивает отряд Сопротивления...

Поистине великий образ! Сыграв это, иной артист, вероятно, мог бы дальше спокойно почивать на лаврах, но Борис Петрович, слава богу, не стал актером одной роли: вспомните хотя бы его учителя в одноименной картине Сергея Герасимова или Махно в «Александре Пархоменко», или Кузовкина в «Нахлебнике», или Бирюкова в «Живых и мертвых», или Михаила Ивановича Глинку... А роли в театре (их вместе с теми, что на экране,— больше ста). А еще прекрасные работы Чиркова на телеэкране...

Мы ехали по проспекту Карла Маркса, и артист показывал:

— Вот здесь, на бывшем Сампсониевском, как раз снимали один из баррикадных боев...

Потом на набережной попросил остановиться у завода «Арсенал»:

— Тут был запечатлен выход Максима из тюрьмы. Помните: Максим смотрит на мрачное здание, а голос чиновника за кадром продолжает твердить, что запрещено ему жить в такой-то губернии, и в такой-то, и в такой-то...

И «Красный выборжец» те съемки помнит тоже...

— Выборгская сторона стала вроде бы главной стороной моей жизни, — задумчиво говорил Борис Петрович.— На нее постоянно держу равнение. Где бы ни был, фигурально выражаясь, оглядываюсь на Выборгскую сторону. Оглядываюсь потому, что в искусстве зачастую не только сам автор создает художественный образ, но есть и обратная связь: герой начинает влиять на своего творца. Так получилось и у меня с Максимом. Созданный на киностудии, Максим вышел на экран и сразу же стал воздействовать на меня: его душевные качества зрители стали приписывать и мне, исполнителю. Уже волей-неволей я должен был отвечать за двоих. А так как доверие к Максиму и спрос с него чрезвычайно большие, то мне невольно приходилось подтягиваться самому к тому человеку, которого вырастила Выборгская сторона. Вот почему постоянно на Выборгскую сторону и оглядываюсь...

* * *

НА ГОРОД опустились ранние сумерки. Зажглись уличные фонари. Вспыхнуло неоном слово «Максим» — кстати, это единственный в нашей стране кинотеатр, названный именем киногероя. Здесь, у «Максима», мы и сфотографировали человека, который дал легендарному Максиму столь долгую и светлую жизнь.

* * *

ОБ ЭТОМ «путешествии» по Выборгской стороне я напомнил Борису Петровичу вчера, когда позвонил ему в Москву. Артист рассказал, что ставит в Театре имени Гоголя недавно переведенную пьесу Жана Ануя «Птички», где сам сыграет главную роль. Вместе с ним в спектакле заняты жена — заслуженная артистка республики Людмила Юрьевна Геника и дочь Людмила. Много времени забирает педагогическая работа во ВГИКе. Кроме того, Чирков пишет очередную книгу, в которой расскажет о старинных и забытых песнях. А в начале сентября собирается на берега Невы — «просто погулять по любимому городу».

— Передайте читателям «Смены» низкий поклон от Бориса Чиркова и старого его друга Максима,— донеслось с того конца провода.— До скорой встречи!

Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото М. Ширмана